

ТЕОРИЯ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

Классические теоретики модернизма

Глава 4. Современные теории модернизма

В социологии сложилась дискуссия между теми, кто видит общество как современный мир, и теми, кто утверждает, что за последние годы произошли существенные изменения и что мы перешли в новый этап постмодернистского мира. В этой лекции мы обсудим работу современных представителей тех, кто продолжает видеть мир в современных условиях.

Большинство классических социологов занимались анализом и критикой современного общества. Такой анализ ясен, например, в работах Маркса, Вебера, Дюркгейма и Зиммеля. Все работали в точке возникновения и господства современности. В то время как все четверо были хорошо осведомлены о преимуществах современности, то, что оживило их работу больше всего, было критикой проблем, создаваемых современным миром.

Разумеется, для Маркса современность определялась капиталистической экономикой.

Маркс признавал успехи, вызванные переходом от более ранних обществ к капитализму. Однако в своей работе Маркс ограничился главным образом критикой этой экономической системы и ее проявлений (отчуждение, эксплуатация и т. д.).

Для Вебера самой определяющей проблемой современного мира было расширение формальной рациональности за счет других видов рациональности и, как следствие, появления «железной клетки» рациональности. Люди все чаще подвергались тюремному заключению в этой железной клетке и, как следствие, постепенно не могли выразить некоторые из своих самых человеческих характеристик. Конечно, Вебер признал преимущества продвижения рационализации – к примеру, преимущества бюрократии в отношении более ранних организационных форм – но его больше волновали проблемы, связанные с рационализацией.

По мнению Дюркгейма, современность определялась его органической солидарностью и ослаблением коллективной совести. Хотя органическая солидарность привела к большей свободе и большей производительности, она также поставила ряд уникальных проблем. Например, при таком ослаблении общей морали люди, как правило, чувствовали себя бесцельно в современном мире. Другими словами, они обнаружили, что страдают от аномии.

Четвертый из классических теоретиков Георг Зиммель получит здесь более подробное описание, в основном потому, что он был описан как модернист, так и постмодернист. Поскольку он подходит в какой-то степени для обеих категорий. Мы рассмотрим Зиммеля как модерниста в этой лекции, а далее как представителя постмодернизма. Фрисби придерживается мнения, что «Зиммель – первый социолог современности». Зиммель рассматривается как исследователь современности в основном в двух основных взаимосвязанных местах – городе и денежной экономике. В городе сосредоточена или усиливается современность, тогда как денежная экономика включает в себя распространение современности, ее распространение.

Погги поднимает тему современности, поскольку она относится к деньгам, особенно в «Философии денег» Зиммеля. Как видит Погги, в этой работе выражаются три взгляда на современность.

Во-первых, модернизация приносит с собой ряд преимуществ для людей, особенно тот факт, что они способны выражать различные потенциальные возможности, которые не раскрыты, скрыты и подавлены в премодернистском обществе. В этом смысле Зиммель рассматривает современность как «прозрение», то есть как явное проявление сил, присущих человеческому роду, но ранее не раскрытых.

Во-вторых, Зиммель имеет дело с мощным эффектом денег в современном обществе.

Наконец, есть концентрация Зиммеля на негативных последствиях денег для современности, особенно отчуждения. Проблема отчуждения возвращает нас к центральному вопросу в социологической теории Зиммеля в целом, а также в его социологии современности: «трагедии культуры», растущем разрыве между объективной и субъективной культурой или, как сказал Зиммель, атрофии индивидуальной культуры и гипертрофии объективной культуры».

По мнению Фрисби, Зиммель концентрируется на «опыте» современности. Опыт современности рассматривается Зиммелем как прерывистое время, в котором сходятся мгновенный момент и ощущение присутствия; пространство как диалектика расстояния и близости и причинность как условная, произвольная и случайная. Хотя, конечно, можно рассматривать Зиммеля в качестве постмодерниста, и, как мы увидим далее, он похож и имеет больше общего с постмодернистами, чем с другими классическими социальными теоретиками, факт остается фактом: он по меньшей мере одинаково подходит для рассмотрения как модерниста. Почти

наверняка фокусы внимания в большей его части, особенно города и денежной экономики, находятся в центре современности. Таким образом, даже в случае Зиммеля и, конечно же, как и в случаях Маркса, Вебера и Дюркгейма лучше всего думать об этих теоретиках как о социологах современности.

Несмотря на большое несогласие с началом постмодернистского возраста (предполагая на тот момент, что это начало возникновения), никто не ставит эту дату до 1920 года. Вопрос заключается в том, являются ли изменения в мире с того времени сдержанными и непрерывными с теми, которые связаны с современностью или настолько драматичны и прерывисты, что современный мир лучше описывается новым термином постмодерн.

В этой лекции мы рассмотрим мысли нескольких современных теоретиков, которые по-разному и в разной степени видят современный мир, который все чаще представлен как современный.

Джаггернаут «сокрушительная сила» современности

Стремясь не только согласовать свою теорию структурирования, но и создать образ, чтобы конкурировать с изображениями классических мыслителей, таких как Вебер и его железная клетка, Энтони Гидденс и его теория современности, современный мир представлен (с его истоками в Европе 17-го века) как сокрушительная сила «джаггернаут». Более конкретно он использует этот термин для описания передовой стадии современности – радикальной, высокой или поздней современности. При этом Гидденс отстаивает свою точку зрения относительно тех, кто утверждал, что мы вступили в постмодернистскую эпоху, хотя он и высказывает возможность какого-то проявления постмодернизма в будущем.

Однако, хотя мы все еще живем в современную эпоху, по мнению Гидденса, сегодняшний мир сильно отличается от мира классических социологических теоретиков.

Вот как Гидденс описывает силу современности:

«Джаггернаут подавляет тех, кто сопротивляется ему, и, хотя иногда кажется, что он имеет устойчивый путь, бывают случаи, когда он неуклонно отклоняется в направлениях, которые мы не можем предвидеть. Поездка отнюдь не является абсолютно неприятной или непривлекательной; он часто может быть волнующим и заряженным надежным ожиданием. Но пока сохраняются институты современности, мы никогда не сможем полностью контролировать путь или темп путешествия. В свою очередь, мы никогда не сможем чувствовать себя в полной безопасности, потому что местность, через которую он проходит, чревата рисками высокого уровня».

Современность в форме джаггернаута чрезвычайно динамична; это «ускользающий мир» с большим увеличением темпа, масштабов и глубины изменений по сравнению с предыдущими системами. Гидденс быстро добавляет, что этот джаггернаут не следует ни одному пути. Более того, это не одна часть, а вместо этого, она состоит из нескольких противоречивых частей. Таким образом, Гидденс говорит нам, что он не предлагает старомодную великую теорию или, по крайней мере, не простое одностороннее повествование. Идея джаггернаута хорошо сочетается с теорией структурирования, особенно с учетом важности этой теории времени и пространства. Образ джаггернаута – это нечто, что движется во времени и над физическим пространством.

Однако этот образ не очень хорошо сочетается с акцентом Гидденса на силу агента; образ джаггернаута, кажется, придает этому современному механизму гораздо больше власти, чем он соглашается с агентами, которые управляют им. Эта проблема согласуется с более общей критикой того, что существует разобщение между акцентом на управление в чисто теоретической работе Гидденса и существенным историческим анализом, который «указывает на доминирование системных тенденций против нашей способности изменить мир».

Современность и ее последствия

Гидденс определяет современность с точки зрения четырех основных институтов.

Первый – капитализм, который характеризуется, как правило, товарным производством, частной собственностью капитала, неимущим наемным трудом и системой классов, полученной из этих характеристик.

Второй – индустриализм, который предполагает использование неодушевленных источников энергии и оборудования для производства товаров. Индустриализм не ограничивается рабочим местом, и он затрагивает множество других установок, таких как «транспорт, связь и домашняя жизнь».

Конечным институциональным аспектом современности является военная сила или контроль над средствами насилия, включая индустриализацию войны. Кроме того, следует отметить, что в своем анализе современности, по крайней мере на макроуровне, Гидденс фокусируется на национальном государстве (а не на более традиционном социологическом фокусе на обществе), которое, по его мнению, радикально отличается от типа общности, характерной для премодернистского общества.

Современность дается динамизмом по трем существенным аспектам теории структурообразования Гидденса: дистанцирование, вытеснение и рефлексивность.

Первое – разделение времени и пространства или дистанция (хотя этот процесс увеличения разделения, как и все аспекты работы Гидденса, не является однолинейным, он диалектичен). В премодернистских обществах время всегда было связано с пространством, а измерение времени было неточным.

С модернизацией время было стандартизировано и была нарушена тесная связь между временем и пространством. В этом смысле время и пространство «опустошены» содержанием; никакое конкретное время или пространство не было привилегированным; они стали чистыми формами. В премодернистских обществах пространство определялось в основном физическим присутствием и, следовательно, локализованными пространствами. С наступлением современности пространство постепенно разрывается с места. Отношения с физически отсутствующими становятся и все более отдаленными и все более вероятными. По Гидденсу, место становится все более «фантазмагорическим»; то есть «локали полностью проникли и сформировались с точки зрения социальных влияний, достаточно далеких от них. «Видимая форма» локалы скрывает рассогласованные отношения, которые определяют ее природу».

Распределение времени и пространства важно для современности по нескольким причинам.

Во-первых, это позволяет увеличить рационализированные организации, такие как бюрократия и национальное государство, с присущим им динамизмом (по сравнению с дословными формами) и их способностью связывать локальную и глобальную сферы.

Во-вторых, современный мир позиционируется в радикальном смысле мировой истории, и он может использовать эту историю для формирования настоящего.

В-третьих, такое дистанцирование как вытеснение (disembedding) является важной предпосылкой для второго источника динамизма Гидденса в модернизме.

Как определяет Гидденс, вытеснение подразумевает «отключение» социальных отношений от локальных контекстов взаимодействия и их реструктуризацию через неопределенные промежутки времени». Существует два типа механизмов разборки, которые играют ключевую роль в современных обществах; оба могут быть включены в название «абстрактные системы».

Первый – символические жетоны, наиболее известными из которых являются деньги. Деньги позволяют дистанцировать время-пространство – мы можем участвовать в транзакциях с другими, которые повсеместно отделяются от нас временем и пространством.

Второй – экспертные системы, определяемые как «системы технического достижения или профессиональные знания, которые организуют большие области материальной и социальной среды, в которой мы живем сегодня». Наиболее очевидные экспертные системы включают таких специалистов, как юристы и врачи, но повседневные явления, такие как наши автомобили и дома, создаются и затрагиваются экспертными системами. Экспертные системы обеспечивают гарантии (но не без риска) производительности во времени и пространстве.

Доверие очень важно в современных обществах, в которых преобладают абстрактные системы и с большим расстоянием в пространстве времени. Потребность в доверии связана с этим различием: «Нам не нужно доверять тому, кто постоянно находится в поле зрения, и чья деятельность может контролироваться непосредственно». Доверие становится необходимым, когда в результате увеличения дистанции с точки зрения времени или места у нас больше нет полной информации о социальных явлениях. Доверие определяется как «уверенность в надежности человека или систем в отношении определенного набора результатов или событий, когда эта уверенность выражает веру в честность или любовь к другому или в правильность абстрактных принципов (технических знаний)». Доверие имеет большое значение не только в современном обществе в целом, но и в символических жетонах и экспертных системах, которые служат для демонстрации жизни в современном мире. Например, для того, чтобы денежная экономика и правовая система работали, люди должны доверять им.

Третьей динамической характеристикой современности является ее рефлексивность. Рефлексивность является фундаментальной чертой теории структурообразования Гидденса, но она приобретает особый смысл в современности, где «социальные практики постоянно изучаются и реформируются в свете поступающей информации об этих самых практиках, таким образом, конституируя их характер».

Выдающийся характер современной жизни вызывает ряд отличительных проблем. Одна из них – необходимость доверия к абстрактным системам в целом и, в частности, к экспертным системам. В одной из своих более сомнительных метафор Гидденс рассматривает детей как «привитых» с «дозой» доверия во время социализации детства. Этот аспект социализации служит для обеспечения людей «защитным коконом», которые, поскольку они созревают во взрослую жизнь, помогают дать им меру онтологической безопасности и доверия.

Это доверие, как правило, подкрепляется серией процедур, с которыми мы сталкиваемся на повседневной основе. Однако есть новые и опасные риски, связанные с современностью, которые всегда угрожают нашему доверию и угрожают привести к повсеместной онтологической незащищенности. Как видит Гидденс, в то время как механизмы вытеснения обеспечили нам безопасность в различных областях, они также создали особый «профиль рисков». Риск глобальный по интенсивности (ядерная война может убить всех нас) и в расширении событий, затрагивают большое количество людей во всем мире (например, изменения во всемирном разделении труда). Тогда есть риски, связанные с нашими усилиями по управлению нашей материальной средой. Риски также связаны с созданием институциональных рисков, таких как глобальные инвестиционные рынки. Люди все чаще осознают риски, а религия и обычаи становятся все менее важными, как способы полагать, что эти риски могут быть преобразованы в определенные факторы. Теперь широкий круг общественности может узнать о рисках, с которыми мы сталкиваемся. Наконец, существует болезненное осознание того, что экспертные системы ограничены в своей способности справляться с этими рисками. Именно эти риски придают современности ощущение «разрушительной силы» – джаггернаута и наполняют нас онтологической необеспеченностью.

Стремление Гидденса найти компромиссную политическую позицию проявляется в названии одной из его более поздних книг «По ту сторону правого и левого: будущее радикальной политики». С исчезновением политических позиций Гидденс предлагает восстановленную «радикальную политику», основанную на утопическом реализме и ориентированную на решение проблем бедности, деградации окружающей среды, произвольной силы и насилия в общественной жизни.

Политическая позиция Гидденса предполагает принятие, по крайней мере, некоторых аспектов капитализма (например рынков) и отказ от многих аспектов социализма (например революционного субъекта). Таким образом, Гидденс решил пойти очень узким и сложным политическим театром. Учитывая его взгляды на современность, где Гидденс стоит на постсовременности? Во-первых, он отвергает большинство, если не всех, принципов, которые мы обычно связываем с постмодернизмом. Например, идею о том, что систематическое знание невозможно, Гидденс говорит, что такое мнение привело бы нас к тому, чтобы «полностью отказаться от интеллектуальной деятельности». Однако, хотя он видит, что мы живем в эпоху высокой современности, Гидденс полагает, что теперь можно получить представление о

постмодерне. По его мнению, такой мир будет характеризоваться системой пост-дефицита, все более многоуровневой демократизацией, демилитаризацией и гуманизацией технологий. Однако явно нет гарантий, что мир будет двигаться в направлении некоторых, не говоря уже о всех этих постмодернистских характеристик.

Современность и идентичность

Последствия современности – это в значительной степени макроориентированная работа, тогда как современность и самоидентификация больше сосредотачиваются на микроэлементах поздней современности, особенно на себе. Хотя Гидденс, безусловно, видит себя как диалектически связанного с институтами современного общества, большая часть его внимания здесь посвящена микроконцу континуума. Мы также сосредоточимся на микро-проблемах, но мы не должны упускать из виду большую диалектику.

Трансформации в самоидентификации и глобализации, являются двумя полюсами диалектики местного и глобального в условиях высокой современности. Изменения в близких аспектах личной жизни, напрямую связаны с установлением социальных связей очень широкого масштаба, или в первый раз в истории человечества, «я» и «общество» взаимосвязаны в глобальной среде.

Как мы видим, Гидденс определяет современный мир как рефлексивный, и он утверждает, что «рефлексивность современности распространяется в ядро «Я»; сам становится рефлексивным проектом». То есть «Я» становится чем-то, на что можно отразиться, изменить, даже сформировать. Человек не только ответственен за создание и поддержание себя, но эта ответственность является непрерывной и всепроникающей. «Я» является продуктом самоанализа и развития интимных социальных отношений. В современном мире даже тело «втягивается в рефлексивную организацию общественной жизни». Мы несем ответственность за дизайн не только самого себя, но и (и связанного) с нашим телом. Центральное место в рефлексивном создании и поддержании себя – это внешний вид тела и его соответствующее поведение в различных условиях и местах. Тело также подвержено различным «режимам» (например, диете, тетради и косметической хирургии), которые не только помогают людям формировать свои тела, но также способствуют саморефлексивности, а также рефлексивности современности в целом, Результат, в общем, является одержимостью наших тел и самих себя в современном мире.

Современный мир приносит с собой «секвестрацию опыта» или «связанные процессы сокрытия, которые отделяют рутины обычной жизни от следующих явлений: безумие; преступность; болезни и смерти; сексуальность и природу». Секвестрация происходит в результате возрастающей роли абстрактных систем в повседневной жизни. Это связывание приносит нам большую онтологическую безопасность, но ценой «исключения социальной жизни из фундаментальных экзистенциальных вопросов, которые вызывают центральные моральные дилеммы для людей».

Современность и интимность

Гидденс поднимает многие из этих тем в «Трансформации интимности». В этой работе он фокусируется на постоянных преобразованиях интимности, которые показывают движение к другой важной концепции в мышлении Гидденса о современном мире – чистых отношениях или «ситуации, когда социальное отношение вводится ради него самого, для чего может быть полученные каждым человеком из постоянной связи с другой; и которое продолжается только в той мере, в какой обе стороны обещают доставить достаточное удовлетворение, чтобы каждый человек оставался в нем». В случае интимности чистые отношения характеризуются эмоциональным общением с самим собой и другим в контексте сексуального и эмоционального равенства. Демократизация интимных отношений может привести

к свободе не только межличностных отношений вообще, но и макроинституционального порядка. Меняющийся характер интимных отношений, в котором женщины – «эмоциональные революционеры современности» взяли на себя инициативу, а мужчины были «отстающими», имеет революционные последствия для общества в целом.

В современном мире интимность и сексуальность были секвестрированы. Однако, хотя эта секвестрация освобождалась в разных смыслах от близости в традиционных обществах, это также одна из форм репрессий. Рефлексивные усилия по созданию более чистых интимных отношений должны выполняться в контексте, отделенном от более серьезных моральных и этических проблем. Однако это современное устройство находится под давлением, поскольку люди, особенно женщины, пытаются рефлексивно строить себя и других. Таким образом, Гидденс спорит не о сексуальном освобождении или плюрализме, а скорее о более значительных этических и моральных изменениях, которые, как он видит, уже развиваются в интимных отношениях: нам не нужно ждать политической революции для дальнейших программ эмансипации, и такая революция не поможет. Революционные процессы уже идут полным ходом в инфраструктуре личной жизни. Преобразование интимных прессов для психических, а также социальных изменений и таких изменений, происходящих «снизу вверх», может потенциально разветвляться через другие, более публичные, институты. Сексуальная эмансипация, я думаю, может быть средством широкой эмоциональной реорганизации общественной жизни.

Общество риска

Мы уже затронули вопрос о риске в работе Гидденса по современности. Как отмечает Гидденс, «Современность – это культура риска. Я не имею в виду, что социальная жизнь по своей природе более рискована, чем раньше; для большинства людей это не так. Скорее понятие риска становится основополагающим для того, как и те, и другие действующие субъекты и технические специалисты организуют социальный мир. Современность снижает общую рискованность определенных областей и способов жизни, но в то же время вводит новые параметры риска в значительной степени или полностью неизвестные предыдущим эпохам».

Таким образом, Гидденс описывает «достаточно точный» тезис о работе, которая будет обсуждаться в разделе: «Общество риска Ульриха Бекка: к новой современности». В терминах этого обсуждения подзаголовок работы Бек имеет большое значение, поскольку он указывает, что Бек, подобно Гидденсу, отвергает представление о том, что мы перешли в постмодернистский возраст. Скорее, по мнению Бекка, мы продолжаем существовать в современном мире, хотя и в новой форме современности. Предыдущий «классический» этап современности был связан с индустриальным обществом, тогда как новая современность и ее технологии связаны с обществом риска. Хотя мы еще не живем в обществе риска, также как мы не живем только в промышленном обществе; то есть современный мир имеет элементы обоих. Фактически, общество риска можно рассматривать как тип индустриального общества, потому что многие из этих рисков можно отнести к промышленности. Бек предлагает следующий обзор своей перспективы.

Подобно тому, как модернизация разрушила структуру феодального общества в XIX веке и произвела индустриальное общество, сегодня модернизация растворяет индустриальное общество, и возникает еще одна современность. Тезис этой книги таков: мы являемся свидетелями не конца, а начала современности, то есть современности, выходящей за рамки ее классического промышленного дизайна.

Создание рисков

Риски в значительной степени порождаются источниками богатства в современном обществе. В частности, промышленность и ее побочные эффекты производят широкий спектр

Книга: Теория современной социологии

Глава: 4. Современные теории модернизма

Лекция: 22. Классические теоретики модернизма

опасных, даже смертельных последствий для общества и, в результате глобализации, для всего мира. Используя понятия времени и пространства, Бек подчеркивает, что эти современные риски не ограничиваются местом (ядерная авария в одном географическом регионе может затронуть многие другие страны) или время (ядерная авария может иметь генетические эффекты, которые могут повлиять на будущие поколения). В то время как социальный класс занимает центральное место в индустриальном обществе, и риск является основополагающим для общества риска, последнее и класс не связаны между собой.